

Сергей Ростовцев

К Огонькам Созвездий

16+

Сергей Юрьевич Ростовцев К Огонькам Созвездий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57209040

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-04756-3

Аннотация

Родился в 1952 году в Екатеринославе, на расстоянии 100 метров от памятника Пушкину. Из дворян. В детстве был уверен, что памятники ставят только поэтам. Жалею, что ошибался. С 1977 на учёте в КГБ как поэт. По образованию – биолог. Без образования – астрофизик. С 1991 живу в Израиле. Зарабатывал как инженер электроники. Ушёл на пенсию и публикую когда-то написанное "в стол", и пишу новое. Пишу разные книги: стихи, фантастику, публицистику и даже популярную астрофизику. Фантазии у меня на всё хватает. В книге стихи о времени и о себе. Есть лирика, публицистика, пародии и переводы. Даже поэмы есть.

Содержание

К огонькам созвездий	6
«Тик-так»	8
Окна сквозили временем	10
Гроздь винограда	11
Прикосновенья	12
Я завтра сяду в самолёт	14
Новогодний романс	16
Ты можешь меня перестать целовать	18
Сапожная лапа	19
Угол Чичерина и Свердлова	22
Лотерея	24
Ливень	26
И снова впереди дорога	27
Не потому хорош велосипед	28
Нет билетов в два конца	29
На рассвете будешь расстрелян	31
Деревья в стекляшках	33
На даче	35
Листья, бессильно свесившись	36
И до того, как зазвонит будильник	37
Не было громких фраз	39
Вершины первых этажей	40
Хорошо есть жареную рыбу	41

Пятак	42
Все дело в не оклеенном окне	44
Вот уже повисли листья	45
Мельница	46
Гербарий	48
Стопка книг	49
Аккорд.	50
Гитара	52
Календарь	54
Согрей меня от одиночества	56
Когда я умру	58
В царстве дождя	60
Зелёный остров	62
Декабрь.	64
Любовь	65
Еврею в Йом Кипур.	68
Ялта.	70
Спешили	71
Улитка	72
Сирень	73
Екатеринослав	74
Солнечные лучики.	76
Новогоднее пожелание.	78
Мы гребли	79
Был влюблён в облака	81
Легкий изгиб	82

Сергей Ростовцев К Огонькам Созвездий

К огонькам созвездий

Когда земная тень, обычною порой
Укроет огоньки селений и созвездий
Автобус, словно сорванный паром,
Асфальтовой рекой смывает в бездну.

Вдали сольются в массу огоньков
Жилища фонари и жар костров военных,
И звездный жар потерянных веков
Холодного безвременья Вселенной.

Я потеряюсь если к ним пойду
Сойдя на остановке незнакомой.
И замер я, чтоб не попасть в беду
Таинственным движением влекомый.

Движеньем галактических систем,
Вращением пространств,
Времен
И судеб.

Все мимо
Мимо
Мимо, лишь за тем,
Чтобы не быть.
И никогда не будет.

Попутчики отправятся в беду.
И может только я желаю чуда,
Что вдруг мне повезет,
И я сойду,
Где был вчера,
Но где уже не буду.

Уйдет земная тень,
И миражем,
Слепящим взгляд на мимолетность истин,
Мир будет брошен солнцу нагишом
Плодить богов, селения и листья.

Но вот автобус уплывает в ночь
Асфальтовой рекой
вплывая в бездну.
И я плыву, и уплываю прочь
От звезд селений
К огонькам созвездий.

«Тик-так»

Каждым движеньем своим не в такт.
Часы я помню с самого детства
Первое слово моё – «Тик-так»
На их языке, коротком и веском.

Дед по утрам подтягивал цепь
И щёлкал маятник их дюралевый
И циферблат, как Вселенной центр
Вращали спрятанные детали.

И как это вышло,
Зачем и когда...?
Сначала ходил я в часах.
Я помню.
Их, лет с тридцати, забывал иногда,
А в сорок
Навечно оставил на полке.

Вот только будильник, что дремлет в ночи
А к утру готовит для нас экзекуцию
Зачем-то, желает меня приручить
(откуда будильники в доме берутся?).

И хоть тяжело настоять на своём,
Но в такт со Вселенною – это ужасно.
Намного легче, когда вдвоём
Любить, и хоть изредка, размножаться.

И только Вселенная—
«Тик» да «Так»
Как дворник парижский
Всегда не в такт.
А перед вечностью,
Как не шутить,
Пока еще пара секунд осталась?
Назад по времени не пройти.
Не от него ожидаем жалость.

Это нельзя обойти никак.
Это известно мне с самого детства.
С первой фразы моей – «Тик-так».
Самой короткой,
И самой веской.

Окна сквозили временем

Окна сквозили временем
Из-под потресканных стёкол.
Как продолжением северных
Ветров.
И дуло жестоко.

Даже неслышным тиканьем
Можно застыть совсем.
И растерзаньем тихая,
Не продуваемость стен.

Словно патрон в патроннике,
Или как мелкая сыпь.
Это на подоконнике,
Кто-то оставил часы.

Гроздь винограда

А мне, в мои пятнадцать лет,
Была награда —
Прозрачная, как лед на свет
Гроздь винограда.

И я унес через забор
Чужого сада,
Пусть небольшую, но зато
Гроздь винограда.

А после, схоронясь в траве,
Ел воровато,
Прозрачную, как лед на свет
Гроздь винограда.
1974 год

Прикосновенья

Я просто пью твои прикосновенья,
Спасаясь в них
От злых дождей осенних,
Которыми в окно стучат ветра.

Я пью и пью твои прикосновенья,
В них спрятавшись от злого невезенья,
От болей, страхов, что во мне посеял
Вот этот листопад среди двора.

Я пью и пью твои прикосновенья.
Я в них живу.
Я в них ловлю мгновенья.
До отупенья, до остервененья,
До взлёта, до полёта, до паренья....
Я просто пью твои прикосновенья.

Дождём в оконное стекло стучат ветра.
Стучатся в чьё-то старое корыто.
И лампы на столбах качаются сердито,
И будут так качаться до утра.

К тебе прижмусь.

Скажу спокойной ночи.
Хоть быть спокойной ночь
Совсем не хочет.
Но я в твоё укутаюсь тепло.
И буду сладко спать,
Покамест утро
Меня разбудит
Пеленою мутной,
И моросью промозглой за стеклом.

Я завтра сяду в самолёт

Я завтра сяду в самолёт
И через два часа
Закончит дальний мой полёт
Бетона полоса.

Я выйду на родной асфальт,
Конечно, если жив
Не буду плакать это фальшь
Когда-то я здесь жил.

Когда-то встретил здесь жену
И сын родился здесь.
И думал – больше не вернусь.
Но вот он. Вот я весь.

Вот рядом сын, жена и дочь.
Вокруг родной язык.
А что там с неба? Боже! Дождь!!!
Я от него отвык.

И я снимаю свой берет,
И дождь ловлю лицом.
Я обещал не пожалеть,

Держаться молодцом...

Вернулся? – Нет.

Возврата нет

Всё новое давно

Туда, что бросил

Взять билет,

Наверно не дано.

Текут потоки на асфальт

Из капель дождевых

А я не плачу. Плакать – фальшь.

Дождь на щеке...

Увы.

Новогодний романс

Видел я как ветром быстрым,
Словно, был у бури праздник
Оборвало много листьев,
Календарных, жёлтых, красных.

Нежных рук прикосновенье,
Первый снег, и прожит год.
Новогоднее везенье,
Может, выберешь кого?

Ёлку мы искали долго
По базарам танцплощадок.
Чтоб зелёные иголки
Подарили нам пощаду.

Чтобы не листвой осенней
Обрывалось на асфальт
Новогоднее веселье,
Новогодний карнавал.

Вот, и нарядили ёлку
И в гирлянды, и в конфеты,
И зелёные иголки

Серебром фольги одеты,

Чтоб никто не догадался,

Не проведала молва

Новогоднего романса

Невесёлые слова.

Новогоднего романса

Невесёлые

слова.

Ты можешь меня перестать целовать

Ты можешь меня перестать целовать,
А разные глупости мне говорить.
Губами, в губах задержу я слова
Стратегией детской забавной игры.

Как бережно, древнюю вазу гончар,
Я тело твоё обнимаю за талию.
И так холодна ты, и так горяча
И я испугался,
Чтоб ты не растаяла.

А я поцелуями вымощу тьму,
Дрожа и немея от страха потери.
Тебя отпустив осторожно,
Возьму...
Возьму себе всё...
Что решишь мне доверить.

Сапожная лапа

С тех пор, когда топили углём,
А растапливали газетами и дровами,
В конце двора,
Набитые разным хламьём,
Стояли покосившиеся сараи.

И дома были тоже не ах.
Подвалы да крыши, капающие как небо.
Но место ценилось в этих домах,
И лишних вещей в них не было.

И раз дома теперь топят газом,
Сараи заполнялись вещами:
Примус, картина с коровами, тазик...
И полка, с консервированными овощами.

В моём был старый кухонный стол,
И старая, чёрная, настольная лампа.
И с кончиной деда потерявшая толк
Чугунная сапожная лапа.

В столе хранил я свои секреты.
В доме негде, там места нет.

А здесь, ну буржуйский почти кабинет.
Вот только жалко, что не было света.

Да и зачем он, в тот самый час,
Когда звездное небо ночью.
А приспичит, так есть свеча.
Разве, дорого это очень?

А когда свеча догорит,
Жжёшь фитиль, что из банки с маслом.
И рифмуй себе до зари,
Хоть не ярк огонь, не гаснет.

Возмужал я, завёл жену,
Обзавелся и новой квартирой.
И сменил я ее, не одну
И жену я сменил, и страну,
Путешествуя жизнью по миру.

Вот еще одно в жизни жильё.
Замечательный съём, по случаю.
Хоть чужое, а не своё,
С каждым разом, все лучше и лучше.

Но когда я последней жене,
Говорил, что уж тут нам, рай.

То она отвечала мне.

– И в дворце ты устроишь сарай.

Это правда. Но что из того,

Что здесь, уж точно, с крыши не капает?

Я жалею о многом, но больше всего,

О сапожной дедовской лапе.

Угол Чичерина и Свердлова

Угол Чичерина и Свердлова
(Сегодня это другие названия)
Я вспоминаю снова и снова
Со стариковским отчаянием.

Вот бы вернуться в те годы, когда
Вокруг двора шумели акации
И чтобы остаться там навсегда
И в будущее не возвращаться.

Жили с соседями будто семья
Все разные, но все наши.
И самое главное для меня
Там были живы и мама, и бабушка.

Во дворе было три обветшалых дома
Чего с ремонтом старья возиться?
И забор, и сарай, очень не новые.
И соседей, почти что родные лица.

Скандалили...,
Вместе ходили в кино.
Одалживали гривенники на хлеб...

Мужики стучали в своё домино
На общем, когда-то чьём-то, столе.

Потом съезжали, радуясь даже.
И в этом дворе никого не стало
Не знали, перебираясь в многоэтажки,
Что мебель забрали, а счастье оставили.

А ведь жили, как будто семья.
Пусть разные, но ведь наши?
И было главное для меня -
Там были живы и мама, и бабушка.

Лотерея

Предвкушением дурея
Поиграем в лотерею
Номера вписав в таблицу
Или цифру подчеркнув.
Как рулетку аэробус
Под собой вращает глобус,
И пора поторопиться
Подчеркнуть себе страну.

В ожидании зелёных,
Шелестящих, как на клёнах,
Не надейся выиграть малым,
Всё поставь и не жалеи!
Ну и что, что проиграли.
Мы сыграли – не удрали.
За окном хамсин и пальмы,
А не вата тополей.

Мы совсем не виноваты,
Что проигрывать чревато.
Даже если очень жутко,
Ты своей удаче верь,
Если в ожиданье рая

Мы ещё разок сыграем,
Зарядив без промежутков
Барабанный револьвер.

Предвкушением дурея,
Поиграем в лотерею.
Не надейся выиграть малым,
И своей удаче верь.
Как рулетку аэробус
Раскрутил картонный глобус.
За окном хамсин и пальмы,
А в кармане револьвер.

Ливень

Вот если попаду под этот дождь —
Июльский ливень, тёплый и внезапный,
На лужах пузыри, и листьев дрожь,
И мокнущей травы зелёный запах.

Пойду своё лицо дождю открыв.
Пусть до последней нитки я промокну.
Под барабанный грохот мокрых крыш,
Я стану частью этого потока.

Приду домой, на пол, ещё в дверях,
Я сброшу старость с мокрую одеждой.
Ведь он не навсегда – дождь ноября?
Еще зима, весна чредою прежней.

А летом, кто-то попадет под дождь.
Июльский ливень, тёплый и внезапный.
На лужах пузыри, и листьев дрожь
И мокнущей травы зелёный запах.

И снова впереди дорога

И снова впереди дорога,
И лишь молитва по ночам
В надежде выпросить у Бога
Хоть на столетие очаг.

Не потому хорош велосипед

Не потому хорош велосипед,
Что денег не хватает на машину.
А потому, что сто гвоздей и бед
Сегодня обминули нашу шину.

Педали над усталой мостовой
Я круг за кругом двигаюсь и движусь.
На новом круге стрелки часовой,
К чему-то дальше, а к чему-то ближе.

Не то, что это радует меня?
Но ты попробуй двигаться и плакать.
Гоню велосипед, как гнал коня
Прапращура неугомонный папа.

А сзади, на багажнике мой сын.
Он без ироний к миру расположен.
Вы б отдохнули милые часы,
Мы вместо вас вращать педали можем.

Нет билетов в два конца

Нет билетов в два конца
Мы летим, плывём и едем.
И глупца, и мудреца
Гонит ветром по планете.

Невозвратное вчера,
И невиданное завтра.
Ветер мне шепнёт пора,
Но себя оставить жалко.

От себя не убежать,
Но успешно мы уходим,
На крыле острей ножа,
На одесском пароходе.

Обрывая якоря,
Раз назад не воротиться,
Через реки и моря,
Через южную границу.

Нет билетов в два конца.
Лишь в один конец —
Так что же?

Нет такого хитреца,
Что пробраться в завтра сможет.

Я отправлюсь во вчера
Взяв билет во тьму столетий.
Но пока несут ветра
Не использован билетик.

Нет билетов в два конца.
Мы летим, плывем и едем.
И глупца, и мудреца
Гонит ветром по планете.

Непонятное вчера,
И невидимое завтра.
Ветер мне шепнул пора,
Но себя ужасно жалко.

На рассвете будешь расстрелян

– Так вот. На рассвете будешь расстрелян.

На этом свете – такое время.

Потом расскажешь нам, как на том,

И счёты с нами сведёшь.... Потом.

А я стоял и в коленях дрожь

Сдержаться пытаюсь, сказал

– Ну что ж —

И снег под моими ногами таял.

Он посмотрел на мои колени.

– Да ты до рассвета замерзнешь только

А кто-то скажет, что из-за лени

Моей.

А может, скажут, что я жестокий?

– Эй! Зарядить карабины. Быстро!

А может, с нами хочешь пойти?

Что-то коленки твои, словно листья.

Трус ты, а значит уже не кретин.

– Эй! Сапоги и шинельку солдату!

Я покачал головой, еле-еле...

– Нет, не пойду. Поскорее ребята.
Очень уж холодно, в самом-то деле.

Деревья в стекляшках

За окошком и мокро и серо,
И машин комариный зуд.
И лишь пятнышки белого снега,
Где-то там – далеко внизу.

А вчера я ходил по сугробам,
И дороге в накатанный слой.
И ботинки мочил и гробил,
И не думал идти домой.

Я с девчонкой спускался под гору.
Было скользко и было смешно.
Нам в туманную, позднюю пору,
Просто так,
Ни за что, повезло.

На деревьях стекляшечный иней
Под ногами рипящий ковёр.
И туман молчаливый и синий,
И девчонки весёлый задор.

А часы подгоняли к нам полночь,
И рассыпался сказочный мир.

Громко чмокнувшись....,
Сами..., Покорно...,
Разбежались по клеткам квартир.

И с утра, все деревья в стекляшках.
А сейчас мокрый мир,
И машин...
За окном пролетающих часто
Шум мотора и хлюпанье шин.

На даче

Наверно тяжело грушёвым веткам,
Склоняться под рядами жёлтых груш?
Их даже не раскачивает ветром,
Случайно залетевшим в эту глушь.

А ветер растрепал прическу розе.
По серой черепице проскользнув,
Он пару яблок на дорожку сбросил,
И в ветках у смородины уснул.

И тишина. И небо голубое.
Над сладкой чашкой кружится пчела.
И лишь под вечер, над костра золою,
Тревожащее пенье комара.

Листья, бессильно свесившись

Листья, бессильно свесившись,
Ещё шуршат.
Гнутся, куда неведомо,
Не им решать.

С веток на крышу и в лужицу.
Пришла пора.
Кружатся, кружатся, кружатся ...
Среди двора.

Время ушло для зелени
И рвётся нить.
Ветры, дожди осенние
Придут казнить.

Падают, падают под ноги.
Так..., не спеша.
Чтоб золотыми, гордыми,
В пыли лежать.

И до того, как зазвонит будильник

И до того, как зазвонит будильник,
Лежу и жду, еще не рассвело.
В оконном отражении темно-синий,
Слегка потрескавшийся, потолок.

Под одеялом теплота и лето,
В ногах мурлычет тёплый мягкий кот.
Лежу и жду покамест круглый этот,
Безжалостно отзвонит весь завод.

Лежу и жду.
А после сразу встану.
Поставлю чайник, застелю кровать.
А тёплый мягкий будет беспрестанно
Потягиваться и зевать.

Потом на подоконник он залезет
Чтоб взглядом каждый провожать трамвай,
А я рогалик тоненько нарежу
И сяду...
И махну рукой
– Давай!

И он придёт. И на колени ляжет.
Бессилен чайник крышкой звеня.
Я мягкого и тёплого все глажу.
И спит он на коленях у меня.

Не было громких фраз

Не было громких фраз.
Трепет в мысли не приходил.
Только торшер погас,
И черта уже позади.

Вершины первых этажей

Вершины первых этажей
Домов, обычно коммунальных.
До вас мы добрались уже,
Мечтая о вершинах дальних.

Подружки первый поцелуй
Чуть-чуть смешной. Не много пошлый.
– Ты знаешь, лучше не ревнуй,
К всему тому, что будет после.

Коснись губами губ моих.
Поверь мне – будущее с нами.
И до последнего храни
Тепло, пошёрхшими губами.

Хорошо есть жареную рыбу

Хорошо есть жареную рыбу.
А речную, если, то подавно.
В масле пропекаемую, либо
Из костра печеную, подать нам!

Хорошо есть рыбу провесную.
Хорошо есть рыбу под томатом.
Вяленную или заливную,
Что по праздникам готовила нам мама.

Карася, вьюна или налима.
Хорошо есть рыбу, даже если
Вам жена ее пересолила,
Это просто прелесть – рыба в тесте.

Пятак

Когда-то был я новым пятакoм
Сверкающим на солнце бесполезно
Отправленным, каким-то мужикoм
В копилку тарахтящую железно.

Средь белых нержавеющей монет,
Лежал я в металлической коробке.
И цвет, и цифру прятал, как секрет
И даже свой размер, такой был робкий.

Но вот ножом по краю прорубя
С коробки сняли крышку, с любопытством.
– Какой же это гад взамен рубля,
Вложил тебя в подарок? Вот бесстыдство!

Меня мальчишке дали поиграть.
А он в орлянку мной играл с дружками.
И долго на него бранилась мать,
А я лежал с погнутыми краями.

И по рукам хождение начал я,
Как мелкая разменная монета,
Пока меня не бросили, шаля

"На чай" – за рифму, нищему поэту.

А тот бесплатно пил свой кипяток,
И пальцами меня и тёр и гладил.
И улыбался, делая глоток.
И ставил кружку, и писал в тетради.

Я вспоминаю новенький пятак,
Сияющий на солнце бесполезно.
Хоть жаль, что я помят и вытерт так,
Но золотым кажусь, а не железным.

Все дело в не оклеенном окне

Все дело в не оклеенном окне
В нем стёкла до сих пор не запотели.
Я с дрожью прикасаюсь к простыне,
И скручиваюсь калачом в постели.

Мне засыпающему много лет тому,
И обнимающему бабушкину руку,
Спокойно и тепло,
и потому,
Я ощущаю мир уютной штукой.

Тепло не долгое в объятиях иных.
Уйдёт,
и замерзают пальцы..., плечи....
И немотой суставов будет ныть,
И дрожью желваков дробится вечер.

Но вот, наказы мамины отбросив,
Ко мне мой сын нырнул под одеяло,
И мне в плечо уткнул холодный носик,
И засопел,
И сквозняков не стало.

Вот уже повисли листья

Вот уже повисли листья,
Словно пальцы дирижёра.
Веток рук поникли кисти,
Чтоб корою хрустнув...
Скоро...

Пред оркестром непогоды,
Что есть сил рвануться ввысь!
И отчаянье природы
Бросить улице на бис.
Чтоб фонарной лампы светом,
Вычерчен из темноты,
Дирижёр порыву ветра
Звук задал до хрипоты.

Все покамест недвижимо.
В зале улиц тишина.
Только редкие машины.
И дежурный свет – Луна.

Мельница

В пыль пустыря обожжённого,
В угли от старой мельницы,
В серые, старые жёрновы
Молнией туча целится.

Хлеба не видели долго.
Год уже не пахали.
Стала земля от солнца,
Словно топтали ногами.

Осталось на всю деревню
Десяток живых дворов.
С высохших веток деревьев
Сбили последних ворон.

А в этот уже понедельник
Мельницу подожгли.
Зачем нужна она, мельница?
Пыль размолоть с земли?

В пыль пустыря обожжённого,
В угли от старой мельницы,
И в обгорелые жёрновы

Молнией туча целится.

Гербарий

Как-то, роюсь в своих бумагах старых,
Оставляя исписанные, и отбрасывая чистые,
Я обнаружил свой детский гербарий,
А в нём – листья.

-Покупайте! Цветы аккуратно сложены,
Связаны ниткой, обернуты в целлофане....
А я помню девочку, которая листья жёлтые
Собрала букетом в гранёном стакане.

Жёлтые.... Такие ужасно жёлтые.
Особенно, когда среди зелёных.
И я поставил гербарий в сервант,
на стеклянную полку,
В пожелтевшей тетради
на бесцветном хрустальном фоне.

Стопка книг

И лампочка на потолок ложится тенью,
И пыль ложится медленно на стул, на стол,
на крышку банки с розовым вареньем,
На стопку книг, забытую в углу.

Из коридорной двери, словно ворон,
Крадётся на пол коридорный свет.
Крадёт он во владенье коридора
Всё, от чего ещё остался след.

Нет комнат, коридоры, коридоры.
Стучат часы и беспросветно лгут.
Пройдут века... и пыль засыпет город,
И стопку книг, забытую в углу.

Аккорд.

Сегодня страстно приласкав
Поставишь завтра к стенке.
Еще не выставлен прицел,
Но выстрелишь в упор.
А я гляжу в твои глаза,
И путаю оттенки,
За серый – призрачную цель,
За зелень – приговор.

Приду и стану у стены.
Никак не отвертеться.
Скажу:
– Ни пуха, ни пера!
Смелей спускай курок.
И в ласках не было вины.
И пулей прямо в сердце.
И так добра была вчера,
Но вот сегодня срок.

Сейчас гляжу на всё вокруг
Ослепшими зрачками.
Иду и невпопад дышу,
И путаю слова.

А завтра, как мишени круг,
На чуть шершавый камень,
И так пронзительна свежа
Зелёная трава.

Прикосновение твое так непривычно остро,
И как гитарная струна я под твоей рукой.

Сквозь дрожь:

– Ни пуха, ни пера!

Не бойся – это просто.

Спускай курок. Сегодня срок.

Аккорд бери другой.

Гитара

Гитара, что купил я в Ленинграде,
Была в те дни, огромным дефицитом.
Но друг, зашедший мне её наладить
Сказал, что на такой нельзя учиться.

Она была мала чрезвычайно,
И вот была повешена на стену,
Чтоб если гитарист зайдёт случайно,
– Бери гитару и вперёд на сцену.

Вторую, с металлическою декой,
Купил в своём родном универмаге.
Играть могла наверно больше века,
Вот только поломали гриф бедняге.

А я на ней играл свои бы песни,
И девочки смотрели бы с восторгом.
Но вот упала, гриф возьми да тресни.
Ну а без грифа в ней немного толку.

Я встретил как-то девочку с гитарой,
И попросил мне показать аккорды.
От той науки, хоть уже и старый,

Потом ходил бы я ужасно гордый.

Девчонка согласилась – в самом деле.

Мне в дом гитару принесла она.

Я так и не достиг заветной цели.

И пела мне стихи мои, жена.

Календарь

Декабрь был сырым и мерзким.
Снег выпал и опять раскис.
А я решил и жестом резким,
Остановил себе такси.

Какая есть, а всё ж машина.
За то пешком не надо топать.
Немного облысели шины,
Крыло помято,
Выхлоп – копоть.

А вместо счётчика,
Представьте,
Какой-то отрывной блокнот.
И я решил, что там квитанции,
Когда оплатишь – шеф порвёт.

Ошибки сожаленья стоят,
А я совсем не угадал.
Там были с датами листочки —
Какой-то древний календарь.

— Оплата по доставке? Трогай. —

Водителю я говорю.

Меня он смерил взглядом строгим

– Оплата – по календарю.

А за окном то дождь, то ветер,

То солнце, то опять весна.

И небосвод и чист, и светел,

А вон, дорожный, новый знак.

Шуршит под шинами дорога

Вон там ухаб, а вот объезд,

Моря, пустыни, холм отлогий....

Не видел раньше этих мест.

А вот смогу ли расплатиться

По счетчику календаря?

Граница, вон опять граница.

Барханы, слякоть декабря...

Меня с оплатой не торопят,

Но новый день и новый лист.

И хоть пока шуршит дорога,

Всё строже времени таксист.

Согрей меня от одиночества

Согрей меня ты, не от холода,
Согрей меня от одиночества.
Текут тела по венам города.
Ждут исполнения пророчества.

Когда могильною плитою
На вечный холод обрекут....
Прижмись ко мне плотней собою.
Люби меня, пока я тут.

Сольем тела хоть ненадолго,
Утратив поцелуев счет.
Мы друг без друга мерзнем только,
Поверь, намерзнемся еще.

А вот сейчас, пока мы рядом,
Забудем о конце пути.
Такая трепетная радость,
Друг друга, все-таки, найти.

А время пожирает молодость
И с каждым годом все быстрее.
Согрей меня ты не от холода,

От одиночества, согрей.

Когда я умру

Когда я умру, мне приснится то место, где вырос,
Подвал из двух комнат и маленький двор на углу.
Но нет, не оттуда уйдет моё тело, навывнос.
И там не заплачут, не всхлипнут,
Когда я умру.

А там, в позабытом, но не прекращаемом детстве,
Там, рядом с колонкой, где вечно сочится вода,
Предложит мириться драчун, что живёт по соседству,
А я, ухмыляясь, скажу:
– Никогда! Никогда!

Он станет врачом. А курили мы с ним, за сараем.
Потом, умирая, он будет письмо моё ждать.
Когда я умру, мы наверно еще поиграем
В игру ту, что в детстве, до драки играли всегда.

А я далеко, не копейки считаю, а центы.
А дом тот, бульдозер разрушил, уже не спасти.
И кто-то использовал, угол двух улиц, под церковь
А я, умирая, шептать буду, дому: «Прости»!

Когда я умру, то не знаю, где буду схоронен

А разница лишь,
Для могилу копающих рук.
И всё чем я жил, что я видел, и что не запомнил,
Уже и не важно, не нужно, – когда я умру.

Пока я живу, и мне снится, то место, где вырос,
Подвал из двух комнат и маленький двор на углу.
Но нет, не оттуда уйдет мое тело, навывнос
И там не заплачут, не всхлипнут
Когда я умру.

Посвящается исчезнувшему дому в городе Днепрпетровске и другу детства Валентину Александровичу Корицкому, пусть земля ему будет пухом. Амен!

В царстве дождя

В царстве дождя, я зритель,
Глядящий на ночь, как небыль.
Вокруг прозрачные нити
Тянущиеся к небу.

Зонт мой, ужасно тонок.
Дождь, бесконечно огромен.
Кто я пред ним, ребёнок,
Вздрагивающий при громе?

Шуршанье дождя о листья,
О крыши чужие стук.
Запутывающий мысли,
Капель привычный звук.

Каплями тикает время.
Каплями я измучен,
Тянущимися к небу,
Прячущимися в тучи.

И по асфальту, навеки,
Вчерашние, смыв с дороги,
Текут дождевые реки

Мои омывая ноги.

В царстве дождя я зритель
Глядящий на быль, как небыль,
На эти прозрачные нити
Связавшие город с небом.

Зелёный остров

На Днепре зелёный остров.
Мы туда ходили вброд.
Золотых песков там россыпь,
И родник холодный бьёт.

Я и два моих соседа,
Три отборных босяка.
Нам на острове веселье.
Нам без острова тоска.

Лет с восьми в кармане финка.
С десяти и самопал.
Вовка был у нас за Флинта.
Я, о Флинте прочитал.

Разбежались лет в пятнадцать.
Я ушёл в читальный зал.
Что с друзьями? Вам признаться,
Очень долго я не знал.

Я читал, писал, работал
Что об этом рассказать?
Весь в идеях и заботах...

Вот, в читалку шёл опять.

Как-то, даже не поверил...

Вижу Женька.

– Ты ли, нет?

– Я! Рыбак, сошёл на берег.

Вот. Обычный домосед.

– А Володька?

– Он на нарах.

Было дело в преферанс.

Показалось, выпил мало.

Оказалось, в самый раз.

Попрощались, как до завтра.

Только встретимся ли вновь?

Мимо нас неслась ватага

Развесёлых пацанов.

Может на зелёный остров?

Мы туда ходили вброд.

Золотых песков там россыпь,

И родник холодный бьёт.

Декабрь.

Декабрь. На агавах воробьи.
Бананы жёлтые и мандарин не кислый.
Ну что ж, другие здесь календари.
Другие месяцы. Другие даже числа.

И может они правду говорят,
Хоть для меня их смысл непривычен.
Мне снится из того календаря,
Опавшая листва, пожухлая обычно.

Как, в сумерках, аллеей я иду,
Почти зима, а кажется, что лето.
И пахнет, как в заброшенном саду,
И только под ногами шорох этот —
Обычная пожухлая листва....

Ну, хоть проснулся видимо не зря.
Наградю чужого хвостовства —
Бананы в середине декабря.

Любовь

Отпахал я и пошёл
К дому.
А в сенях моя жена
Настя.
Говорит: «Иди ко мне
Голубь,
Так хочу твоей мужской
Ласки».

Я как взял её в свои
Руки,
И поставил я её
Раком.
Прошептал ей в ухо
– Ты сука.
И увидел, как она
Рада.

В пояснице у неё
Тонко.
И так пахнет от неё
Мятой.
Только что-то мой дружок

Звонкай,
Отдыхает, как сапог
Мятый.

Я его потерябил
– Ну же!
И о Настину потёр
Попу.
– Разве ты мне для того
Нужен
Чтоб штанину каждый год
Штопать?
А Настюха то, его
Гладит.
Говорит мол: «Ничего,
Ладно.
И не так уж много мне
Надо.
Сорок лет уж как была
Свадьба».

Он как будто этот день
Вспомнил.
И такое закатил
«Дело».
Да, на что-то я кажись

Годен,
Хоть ужо и с головой
Белой.

Еврею в Йом Кипур.

[Йом Кипур – Судный день – день сухого поста]

Даже если не знаком ты с Богом,
И не знаешь, где носить кипу,
Если ты еврей, то хоть немного,
Попостись. Хотя бы в Йом Кипур.

Хоть назло антисемитам... Ладно?
Что тебя не любят всё равно.
Не поешь варенье с шоколадкой.
Не попей ни водку, ни вино.

Если не помрёшь ты от такого
Недостатка радости во рту,
То смелее можешь стать, и снова
Попоститься в будущем году.
Через год откажешься от мяса.
Пол дороги ты уже прошёл.
Откажись от пива и от кваса.
Только день в году? Ну? Хорошо?

Вот когда ограничения эти
Ощутишь, оставшись жив вполне,

Ты поймёшь, что ты за всё в ответе
Быть способен. Сил твоих – вдвойне.

Значит через год, вдвойне смелее,
Откажись от пищи и воды.
Ничего не станется еврею,
Кроме избежания беды.

И не важно, веришь ли ты в Бога.
Прибывает сила велика.
И легка ногам твоим дорога.
И работа спорится в руках.

Но начни уже сегодня.
Ладно?
Раз евреем быть судьба дана
Не поешь варенья с шоколадкой.
Не попей, ни водки, ни вина.

Если даже не знаком ты с Богом
И не знаешь, где носить кипу
Если ты еврей, то хоть немного
Помолись. Хотя бы в Йом Кипур.

Ялта.

Огни ресторанов
Розгами хлещут.
Хватит буханок
И вот вам зрелища.

Палуба моря
Огнями скована.
Балуя, вздорит,
Лентой рискованной.

И кипарисной
На палубу тенью,
Падают риска
Переплетенья.

Море дотошно
Тень эту точит,
Этой и прошлой,
И будущей ночью.

Спешили

Из царства мучений да в княжество пыток,
Спешили, надежды питая.
А кто торопил нас на эту попытку,
Те нас у столбов и пытаются.

Сказали: «Театр там... и живописно»
Театр! И мы в нём актеры.
Нам спины и плечи искусно распишет,
Один живописец матёрый.

Кого-то чуть-чуть покатают на дыбе.
В кого-то иголки втыкают.
Чтоб только не сразу подохнуть могли бы,
Не сразу направились к раю.

И вот на последних не вырванных жилах,
Не зная житья безобразней,
Спешили, спешили,
Ах, как мы спешили ...,
В столицу империи казней.

Улитка

Жила улитка в доме своём,
И никого не трогала.
Медленным и спокойным своим житьём
Никому не обязана,
Кроме Бога.

Чистила камешки морского дна,
От погибших растений.
Пока на берег не пришла она —
Неврастеничка.

Крутились вокруг её бедер, как мухи,
Подобные ей, молодые самцы.
Один улитку ей подал в руки.
– Сгодица для пепельницы?

И улитку ножом скovyрнув безразлично,
Для него смерть улитки не горе.
Закурил, и засунул сгоревшую спичку
Туда...
Откуда плакало море.

Сирень

Я уже забыл куда спешил
По аллее парковой, в апреле
До сих пор, на расстоянье в жизнь
Ощущаю запах той сирени

Я тогда нарвал большой букет...
Не букет – огромный ворох веток.
По аллее,
По сиреневой реке
Юности,
Гуляя до рассвета.

Парк – букетом сделала весна
мне в подарок.
И плыла на запад
Полная, весенняя луна,
Сквозь сирени множющийся запах.

Господи, какая благодать?
Расцвела сирень в конце апреля.
Запах через страны и года...
Запаху флакончика – НЕ ВЕРЮ!

Екатеринослав

Ты мой город любимый, прощай навсегда,
Коренной отрываюсь своими корнями,
Я от тех, кто в земле и уже никогда,
И не здесь и не там не увидится с нами.

Я в проулках твоих знаю каждый ухаб,
И не раз я в далекую топал дорогу.
И удачлив бывал, а бывало и слаб,
Но всегда к твоему возвращался порогу.

Я когда-то шелковицы здесь посадил,
А потом, когда выросли, тряс их на простынь.
А теперь от тебя и от них уходить,
Мне, поверь мне, поверь мне, поверь мне непросто.

Только место заказано. Куплен билет.
Я не нужен тебе, я не нужен, не нужен.
Я нашёл свой единственно верный ответ,
И совсем не хочу, чтоб тебе было хуже.

Я такое пытался создать для тебя.
Я вселенную понял, но нет здесь пророков.
И теперь свою память пакую в себя,

Дождаясь в билете указанных сроков.

Я приеду и там посажу апельсин,
И лозу винограда в пустыне взлелею.
И жилище построю, хватило бы сил,
В той земле, что отныне считаю своею.

Значит город чужой, но любимый прощай
Я уже отрывался корнями своими
И от тех, кто в земле и живущих сейчас
Суждено ли еще мне увидится с ними?
1991

Солнечные лучики.

Яблоки оделись
Белыми цветами
Как из удивительного сна.
И влюбилась девочка в мир, где снег растаял,
В мир, где танцевала весна.

Солнечные лучики
В преселом танце
По небу водили облака.
Так хотелось девочке радостно смеяться,
И касаться лучиков слегка.

Бегать по лужайкам,
Там где одуванчики.
Трогать молодые васильки,
Так любила девочка в преселом танце,
Легким прикосновением руки.

За весною лето.
Солнце как монетка.
Лучиков веселая игра.
Ягодки с росой
По траве босою

Девочка любила собирать.

Высыхают россы,
Вот и стала взрослой
Девочка,
И ей уж не до сна.
Спит в кровати чутко
Милая дочурка,
Видит сны веселые она.

Солнечные лучики,
Заплету ей в косы.
Поцелую глазки – васильки.
Незачем печалится
Что, когда-то осень
Принесет течение реки.

Буду помнить яблони
Белыми цветами,
Будто из младенческого сна.
Как тогда влюбилась я в мир, где снег растаял.
В мир, где начиналась весна.

Новогоднее пожелание.

У нас такая тёплая зима,
И море, до сих пор хожу купаться.
Цветы распространяют аромат
Аллеей фиолетовых акаций.

У нас зимой банановый сезон.
Оранжевое море апельсинов.
Нас, Новый Год, обрадует грозой,
И скидками в огромных магазинах

У вас зима – снега, снега, снега....
Под снегом ели, клёны и берёзы.
А по ночам то выюга, то пурга,
И окна разрисованы морозом.

Вот если б на недельку нам снежок.
А вам бананы, апельсины, море.
То мне бы лично было хорошо,
А кто-то же, конечно будет спорить.

Мы гребли

Теченьем сильным гнало лодку.
А мы гребли, гребли, гребли...
Срастались вёсла с нашей плотью,
Чтоб догрести нам до земли.

Мы ни на миг не отступали.
Ни кто не выпустил весла.
Другие – видели и ждали,
Чтоб их с приливом понесла
Волна,
И бросила на берег.
А мы гребли, гребли, гребли.
И каждый в лодке был уверен,
Что догребём мы до земли.

Другие – видели и ждали.
Шторм ожидали.
Шторм пришёл.

Они жестоко умирали,
топя друг друга.
Проклинали
и нас.

Мы тоже умирали.

Но умирали хорошо.

Был влюблён в облака

Был влюблён в облака – дым трубы паровозной
Но боялся расстаться он с черной трубой.
Без неё ведь, растаять, исчезнуть, возможно,
Облака уплывут, и погибнет любовь.

И тогда, дым, отбросив законы природы.
Паровоз за собой утащил в облака.
Только дым с облаками различной породы
И любви между ними не вышло пока.

Легкий изгиб

Легкий изгиб
линий твоих...
Только твоих,
только моих...
Как в пустоте

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.